

Ваан Терьян
Страна Наири

* * *

Как сын Лаэрта, мудрый Одиссей,
Оставивший когда-то край родимый,
Прошел я дали суши и морей,
Всему чужой, угрюмый, нелюдимый...

И вот, усталый, снова я бреду
В твоих полях, земля моя родная,
И древних скал приветствую гряды,
И хижины дремотные пугаю.

Сирен напевы было суждено
Мне услышать – я устоял пред ними;
Ведь сердце, как пшеничное зерно,
В немой тоске твое хранило имя...

В далеких странах, в городах чужих
С растерянной душой умел внимать я
Лишь звукам песен, с детства мне родных,
Ласкающих и нежных, как объятья.

И вот теперь, сжигаемый тоской,
Вернулся я, чтоб эти песнопенья
До самой смерти слышать над собой

И плакать, плакать в радостном волнении...

* * *

Песни Армении слышу опять,
Песни, что так на рыдания похожи.
Их, чужеземец, тебе не понять,
Их не поймешь, чужеземка, ты тоже.

Грустны, и скорбны, и горьки они,
Однообразны, но как мелодичны,
Сердцу, сожженному горем, сродни,
Духу, сожженному болью, привычны.

Бедны деревни у нас, и везде
Смуглые лица с печалью во взоре,
Весь наш народ в безысходной беде,
Вся наша жизнь – безысходное горе.

Как же нам в песнях своих не стонать,
В песнях, что так на рыдания похожи?
Их, чужеземец, тебе не понять,
Их не поймешь, чужеземка, ты тоже.

* * *

Спускается безжалостная ночь,
А там взойдет заря, как смерть душна...

Душа моя тоской опалена,
Всё верит утру, гонит горе прочь.

Пусть ночь темна, и нет у бездны дна,
И родине дышать уже невмочь,
Сгущайся, мрак, ты бурю ей пророчь, —
Гроза пробудит край мой ото сна.

А я, наследник всех былых веков,
Сын гордый Наири, вперед иду...
Не страшен мне тяжелый гнет оков, —
Чем ночь темней, тем я упрямей жду:

Восстань, страна родная, наконец!
Тяжел, но свят судьбы твоей венец.

* * *

Ты не горда, страна моя.
Ты с мудростью печаль сплетаешь.
Заветы давние тая,
Ты огненной тоской пылаешь.

И разве не за скорбь твою
Тебе любовь моя и радость?
Как ты, и я покорно пью

И горечь всю твою и сладость.

Люблю не славу светлых дней,
Не наши древние сказанья, —
Люблю я мир души твоей
И песен тихие рыданья.

Люблю я бедный твой наряд,
Тоской молитвенною болен,
Огни неяркие из хат
И звоны с грустных колоколен.

* * *

Из мглы восходит призрак, с явью споря, —
О Наири, печален образ твой!
Где есть страна, в чьем сердце столько ж горя,
И доблести, и доброты простой?
Где так же к небу скалы вековые
Простерты, словно руки при мольбе?
Слова молитв – такие же простые,
И та же радость вопреки судьбе?
Где зло пронзает так же неустанно
Сердца людские мстительным мечом?
Где край, отмеченный такой же раной
И столь же стойкий в мужестве своем?

* * *

Здесь выплакивала мама
Слезы в песне колыбельной.
Здесь беда всегда упряма.
Здесь тоска все беспредельней.

Дом наш горбится, вздыхая,
Сиротливый и бескровный.
Над бедой родного края
Плачет колокол церковный...

* * *

Не породнишься ты со странной
Моей наирскою душой,
С ее роптаньем неустанным
И древнею ее тоской.

И надписи на древних плитах
Тебе не скажут ничего
О наших бедах незабытых,
О днях народа моего.

Увы, душе твоей спокойной
Невнятен этот стон больной, —
Рыданье меди колокольной

Над умирающей страной.

И на пиру, за древней чашей,
Отведав алого вина,
Ты не поймешь, что кровью нашей
Та чаша до краев полна.

* * *

Ужель поэт последний я,
Певец последний в нашем мире?
Сон или смерть – та скорбь твоя,
О светлая страна Наири?

Во мгле, бездомный, я поник,
Томясь мечтой об осиянной,
И лишь твой царственный язык
Звучит молитвой неустанной.

Звучит, и светел, и глубок,
Жжет и наносит сердцу раны.
Что ярче: розы ли цветок,
Иль кровь из сердца, ток багряный?

И стонет в страхе мысль моя:
О, воссияй, мечта Наири!
Ужель поэт последний я,
Певец последний в нашем мире?

* * *

Я помню поздней осени наряд —
Усталые и выцветшие краски.
Закатного огня скупые ласки
Уснувших гор уже не оживят.

Мое село, холмы со всех сторон,
Моя река и легкой мглы завеса.
Над выгоном, над синей кромкой леса
Плывет неспешный колокольный звон.

А мать моя хворает. Ей сейчас
На солнышке погреться бы немного,
И вот со мною рядом у порога
Она садится, сединой лучась.

Ах, так она стара и так добра!
Сидит безмолвно, глаз с меня не сводит,
Пока печалью колокол исходит
И тает в небе дальняя гора...

* * *

Как не любить тебя, родная, бедная,

В скорби покорной страна опаленная,
Снова мечам остроблещущим преданная,
Ты – богородица, семь раз пронзенная!

Словно урок выполняя заученный,
Жертва безвольная, всё отдавала ты.
Ты не была ль непорочною мученицей,
В крестном страдании кровию залита.

Душу, горящую пламенем, дарственно
Ты без вины отдала за вселенную:
Ты, величавая, скромная, царственная,
Смерть принимала и муку бессменную.

Время! Воспрянь! Жду пурпурно-горящую!
Ревность прими, как доспех, богатырскую,
Смело затепли во мраке таящую
Огнекрещеную душу наирскую!

НАИРЯНКА

Мне наирянка улыбнулась тонкостанная,
Печальных глаз был прям и огнен верный взор,
И чист был пламень, как заря, из ночи данная,
Горел и жил открытый облик девы гор.

И там, где северно и сумрачно от холода,
Наирский день блеснул в душе, как солнце ал,

И в сердце роза, сердце огненно и молодо,
Оно горит и мне велит, чтоб не молчал.

Не петь нельзя мне непорочную и чистую,
Огонь поет, огонь-краса, я весь в огне,
Так солнце тучу разрезает дымно-мглистую,
Наирский край, высокий край весь виден мне.

* * *

Там огонь пастухи развели —
Там, в горах моей отчей земли.
Голосами тревожа полночную тишь,
Там костер пастухи разожгли.
И уносится сердце туда, где звучишь
Ты, мой древний и мудрый язык.
Там огонь пастухи развели —
Там, в горах, — о, в желанной дали!

* * *

А там пастухи на свободных горах
Огонь развели и друг друга зовут.
Я узник, я пленник, покинутый тут...
А там пастухи на свободных горах...

Скитальцу, мне мирный неведом приют,
Во власти я чьей-то, я в чьих-то руках...

А там пастухи на свободных горах
Огонь развели и друг друга зовут...

* * *

Счастье тому, кто под отчим кровом
Спит, безмятежные видя сны,
Не ослеплен пожаром суровым,
Не опален дыханьем войны.
Счастье тому, чьи светлы дороги,
Кто, не изведав кровавых мук,
В завтрашний день глядит без тревоги,
Ловит бестрепетно каждый звук.
Кто материнский напев старинный
Слышит в мирной тиши вечеров,
Кого не мучает страх беспричинный,
Кто ныне отчий имеет кров,
Кто не боится тяжелой неволи,
Смотрит спокойно в ночную тьму,
Кто умирает легко, без боли —
Счастье тому, о счастье тому!..
Наша дорога темна и ужасна,
Беден наш край и открыт врагу,
Нас на кресте распинают всечасно,
Ложью встречают на каждом шагу.
Холод и вьюга, сумрак и скверна —

Горек наш путь, от крови багров.
Счастье тому, о счастлив безмерно,
Кто ныне отчий имеет кров!..

* * *

Что осталось
В этой жизни у меня?
С бедным сердцем то же стало,
Что с отчизной в бездне горя и огня.

Что осталось?
Ночи долгие без сна,
В сердце – пепел и усталость,
Я – как ты, моя печальная страна.

* * *

Распустились розы мои сейчас.
Мои розы, алой росой сочась,
Раскрылись в стране Наيري.
И девушки с песней ушли на луга,
Ушли до вечерней зари.

И раны мои раскрылись опять,
Как цветы Наيري. И ночью, и днем

Пылают, горят, обжигают огнем,
Как тебя обжигают, страна Наири,
Песни и розы твои.

* * *

Когда я устану, вы в Гандзу меня отнесите,
Верните былое, всё, что не вернется, – верните!
С умершей матерью отдых найду я в гробнице,
Там будет усталому сон нескончаемый сниться.

Но даже сквозь сон буду слышать я голос печальный —
Унылые песни страны моей многострадальной.

И тех, кто меня навестит, повстречают приветом
Две алые розы, из сердца проросшие – к свету...

ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Я с юношеских дней любил твой строгий стих,
Холодный, северный твой сдержанный язык,
И много в нем тепла я чувствовать привык
Под скрытым пламенем спокойных строк твоих.

Так в зелени долин, в родной моей стране,
Медлительный Аракс несет свою волну

И тихим лепетом тревожит тишину,
Волненье грозных бурь скрывая в глубине.

Ты, в испытаний дни, в час страшных бурь и бед,
Когда в волнах наш челн захвачен штормом был,
Как верный друг, мой край несчастный посетил
И предсказал нам всем спасение и свет.

* * *

Вот снова дорога моя влечет меня в новые дали,
Унылою песней, как встарь, баюкает поезд ночной,
Я снова бездомен, один, томлюсь в непонятной печали,
Опасности, бедствия вновь предчувствую чуткой душой.

Просторам земным нет конца, не кончено время скитаний!
Но я приближаюсь к тебе, – хоть в снах для меня просияй!
Чем ближе ко мне твой рубеж, тем ты для скитальца желанней,
Тем голос призывнее твой, родной обездоленный край!

Всем сердцем стремлюсь я к тебе, о родины сердце святое,
Печальной душой твержу я слово отчизны своей.
О край мой! Селенья твои я вижу, с их древнею тьмою,
И твой непреклонный народ, упорный под гнетом скорбен!

Я сердце свое истерзал, – твое да ликует, светлея!
Был горек мой день до конца, – твой сладостен будет вдвойне!
Мне сердце измучила ты, во мраке и стуже коснея, —

Отныне пусть песни любви ликут в счастливой стране!